
Кирилл Радогой
Тайна Фотлейна

Кирилл Радогой

Тайна Фотлейна

«Автор»
2026

Радогой К.

Тайна Фотлейна / К. Радогой — «Автор», 2026

У каждой двери в Фотлейне есть страж. У каждой тайны есть цена. У каждой песни есть последняя строка.Килиан помнит голос, который ему не принадлежит, и поет так, как не поют в этом мире. Он не знает, где этому научился. Зато это знают те, кто приходит ночью.Кто-то будет беречь его. Кто-то ревновать. Кто-то лгать ему ради его же спасения. Но однажды ему придется спуститься туда, откуда не возвращаются.

© Радогой К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Феи и им подобные 6
Глава 2. Шепот теней 15
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Кирилл Радогой
Тайна Фотлейна

Пролог

Сказания о Семи

В далекие времена из абсолютной пустоты явился великий дух, силой своей сотворивший свет, время и пространство. Это божество почитается ныне всеми как творец самой жизни. Сущность его, равно как и мотивы недоступны ни пониманию смертных, ни мудрости бессмертных. Духи ныне именуют творца Всевышним, бессмертные зовут его Предвечным, мудрецы - Всезнающим, а идущие путем силы - Всемогущим. Священное имя Бога, которое никто не осмеливался произносить, давно забыто. Однако жизнь, созданная им, по-прежнему процветает.

Мудрецы учат нас, что там, где есть свет, всегда будет и тьма. Из абсолютной пустоты вскоре явилось нечто черное, необузданное и яростное, ныне именуемое Зло. Разрушительной сутью своей оно осквернило творение Всевышнего, и бесчисленные миры познали страх, предательство, зависть, гнев, страдания и боль. Предвечный не мог дать отпор Злу, ведь он был творцом, а не воином.

Тогда по воле Всевышнего явились Семеро Владык, призванные оберегать жизнь и править Вселенной. Ныне их называют Богами Истоков. Семеро сплели потоки духовных энергий, сотворив магию. Под их началом явились миру царства духов, растений, животных и тварей глубин. Позже явились миру другие разумные существа с сильной волей и большими амбициями. Среди них и люди. Однако Зло продолжало наступление. Предвечный творил все новые миры, Вселенная росла, все дальше унося жизнь от истока тьмы. И все же Зло нужно было остановить! Отпор темной силе дали Семеро. Из первородных стихий, из чистого света и плоти бессмертной по воле Владык сотворены были воины небес, названные Ангелами. Семеро сами повели святое воинство в бой, однако их победа была лишь временной. Продвижение Зла удалось замедлить, но самих Владык коснулась порча.

С тех пор тьма зарождалась вместе с каждым новым миром - так появились иные Боги, демоны, монстры и прочая нечисть. Битва Добра и Зла не прекращается никогда. Однако не только бессмертные сражаются с тьмой. Те смертные, которые за свою короткую жизнь сумеют доказать, что достойны столь великой чести, могут вознестись в Сакуалу - землю избранных. Там они обретают бессмертие и всю оставшуюся вечность заботятся о родных мирах. Древнее пророчество гласит, что однажды в Сакуалу войдут великие герои, которые вновь поведут за собой святое воинство и на этот раз заставят тьму отступить. Это станет временем Великого Очищения…

Автор неизвестен
Древний свиток из архива библиотеки
Магическая академия, Фотлейн

Глава 1. Феи и им подобные

В поместье Майроз ночь никогда не бывала по-настоящему темной. Над крышей висели три луны, на витражах библиотеки мерцал фамильный герб, а розы в палисаднике светились бледно-голубым, словно кто-то разлил по клумбам разбавленное молоко.

Голубая роза была знаком рода Юлианны, серебряный полумесяц принадлежал Ордену Феникса, в котором служил Ольгерд, а золотой венец из дубовых листьев напоминал всякому гостю, что в этом доме родились целых два друида, хотя обычно и одного на род считают щедростью судьбы.

Слуги давно спали, хозяева уехали на поздний прием в Академию, и большой дом дышал ровно и сонно, как старый пес у камина. Не спала только оранжерея. В ее стеклянном куполе горела одна-единственная свеча, и у этой свечи, поджав под себя босые ноги, сидел мальчик тринадцати лет.

Перед ним на рабочем столе стоял горшок с голубой розой, которая засохла еще на прошлой неделе. Юлианна собиралась ее выбросить, но забыла, а Килиан помнил. Он вообще мало что забывал, и это было одновременно его гордостью и наказанием.

Он положил ладони по обе стороны от горшка, не касаясь сухих листьев, и прислушался. На каждом ребенке Фотлейна стояли семь печатей, и пока их не снимут на Церемонии Становления, ни один из детей не мог колдовать. Так говорили учебники, так говорили профессора, так говорила мама. Килиан и сам повторял это себе каждое утро, прежде чем открыть глаза, потому что последние полгода мир вокруг него упорно отказывался подчиняться учебникам.

Сначала к нему сами собой стали подлетать книги, потом начали загораться свечи, а теперь он слышал, как в сухом стебле розы тихо, на самом пределе слуха, все еще течет что-то живое.

— Ну же, — прошептал он. — Тебе ведь не хочется в компостную яму.

Стебель вздрогнул. По нему, от земли вверх, пробежала тонкая зеленая волна, и пожухлые листья развернулись, наливаясь цветом. Бутон, сморщенный, будто старое яблоко, медленно, лепесток за лепестком, раскрылся в ладони мальчика, и в оранжерее запахло так, как пахнет в саду после грозы. Килиан выдохнул и на мгновение позволил себе улыбнуться.

Потом он увидел края лепестков. Голубой цвет у самой кромки темнел, переходил в лиловый, а затем в густой, бархатный черный, будто розу окунули в чернила и не дали им высохнуть. Мальчик отдернул руки, и свеча на столе качнулась, хотя сквозняка не было. Черная кайма не исчезла. Она красиво, почти изысканно обрамляла цветок, и от этой красоты Килиану стало по-настоящему страшно.

Он спрятал горшок за кадку с мандариновым деревом, задул свечу и выскользнул в сад.

Никто не видел, как он колдовал. Об этом Килиан позаботился. Но в ту же минуту, когда свеча в оранжерее погасла, у садовой калитки остановился высокий молодой человек в мантии старшекурсника, с фонарем дежурного студсовета на поясе.

Он возвращался с ночного обхода Академии, промок под моросью и мечтал только о горячем чае. Гелен Майроз постоял немного, глядя на темный купол, по которому только что скользил огонек, потом на маленькую фигурку, которая крадучись перебегала от куста к кусту. Губы его сжались в тонкую линию.

Он мог бы окликнуть кузена и устроить ему такую выволочку, что тот запомнил бы ее до совершеннолетия. Вместо этого Гелен погасил фонарь, чтобы Килиан его не заметил, и дождался, пока за мальчиком закроется дверь черного хода.

На втором этаже, по пути в спальню, Килиан, как всегда, кивнул портрету в галерее. На нем был изображен юноша в старинном камзоле оруженосца, с голубой лентой на рукаве и

лицом, которое художник почему-то оставил в полутени. Имени у портрета не было, и никто в доме не помнил, кто его повесил.

Килиан кивал ему с тех пор, как научился ходить, и ни разу не задумался зачем. Сегодня ему показалось, что юноша на холсте смотрит не на него, а в сторону оранжереи. Мальчик решил, что ему почудилось, и лег спать, накрывшись одеялом с головой.

* * *

Утро началось со стука в окно библиотеки и сдавленного вопля. Килиан, который успел прочитать до завтрака три главы «Трактата о жизненных токах» и ни одной из них не поняв, распахнул створку и обнаружил в палисаднике своего лучшего друга. Ники стоял по колено в розах, одной рукой держался за щеку, а другой пытался отцепить от рукава особенно настырную плеть.

Глава Торговой Палаты при рождении назвал младшего сына Жирамом, и с тех пор весь Фотлейн из жалости звал мальчика Ники. Это имя шло ему куда больше: он был шумным, теплым и рыжим, как летний полдень, и совершенно не умел обижаться дольше пяти минут.

— Они опять кусаются, — сообщил Ники с таким видом, будто открыл новый закон природы.

— Мама заколдовала их еще в прошлом месяце, — сказал Килиан. — Я тебя предупреждал.

— Ты предупреждал про ядовитый аромат. Про зубы ты ничего не говорил. — Ники наконец освободил рукав и просиял. — Собирайся. Парад планет в этом году будет раньше, Церемонию перенесли на неделю, и нас всех перевели на ускоренный курс. Первое занятие через… — он прищурился на солнце, — довольно скоро.

На мгновение Килиан застыл посреди библиотеки, а потом в комнате поднялся маленький ураган. Он хватал со столов пергаменты, перья и флаконы, и сумка на стуле раскрылась сама, будто нетерпеливая птица, ожидающая корма. Два учебника, которые мальчик не успел взять, плавно снялись с полки и последовали за остальными.

Килиан этого не заметил. Ники заметил, но ничего не сказал, только чуть дольше задержал взгляд на втором учебнике, который нырнул в сумку под совершенно невозможным углом. Через минуту они уже бежали к Научной Тропе.

Ники держал друга за запястье, чтобы тот не отстал, и Килиан, никогда не любивший, когда его хватают, на этот раз даже не попытался вырваться. Где-то позади, в окне второго этажа, шевельнулась занавеска. Оскар, дворецкий семьи Майроз, проводил мальчиков взглядом, вздохнул и отправился сообщать кухне, что юный господин опять убежал без завтрака.

* * *

Коридоры Академии в тот день гудели, как растревоженный улей. Перенос Церемонии застал врасплох и учеников, и преподавателей, и даже сам старинный замок, в котором переставили расписание с такой поспешностью, что двери аудиторий то и дело открывались не туда.

Младшие носились с горящими глазами, старшекурсники делали вид, что их все это ничуть не волнует, а портреты основателей на стенах обменивались осуждающими взглядами. Портретов было девять, а гвоздей на стене — десять, но этого давно никто не замечал.

Килиан бежал, на ходу поправляя сумку, и страх, накопленный за ночь, бежал вместе с ним. Он не думал ни о розе, ни о черной кайме, он только очень хотел успеть. Магия у него никогда не спрашивала разрешения. Когда они с Ники вылетели из-за поворота, чернильница на подоконнике, мимо которой он пронесся, подпрыгнула, сделала в воздухе неторопливый пируэт и опрокинулась точно на белоснежную мантию человека, который шел им навстречу.

В коридоре стало очень тихо. Даже портреты перестали шептаться. Гелен Майроз медленно опустил взгляд на черное пятно, расползавшееся по его груди, затем поднял глаза на кузена. Ему было двадцать два, он был заместителем главы студенческого совета, лучшим учеником курса по печатям и человеком, чьего ледяного голоса побаивались даже некоторые пре-

подаватели. Высокий, сухощавый, с темными волосами, остриженными коротко и строго, он походил на Ольгерда больше, чем родной сын, и, кажется, сам об этом знал.

— Недоразумение, — произнес он почти ласково, и у Килиана заледенели уши. — Ты способен опрокинуть чернильницу, даже не прикоснувшись к ней. Это, безусловно, талант. Жаль, что на Церемонии за него не дают баллов.

Ники открыл рот, чтобы заступиться за друга, но не успел. Из соседней аудитории вышел профессор теоретических дисциплин, увидел пятно на мантии старшекурсника, кляксы на полу и бледного, как полотно, младшего Майроза, и брови его поползли вверх.

— Что здесь происходит?

— Моя неловкость, мэтр, — спокойно ответил Гелен и чуть сдвинулся, так что Килиан оказался у него за спиной. — Задел подоконник локтем. Прошу прощения за беспорядок, я пришлю дежурных.

Профессор посмотрел на опрокинутую чернильницу, которая стояла от Гелена в добрых трех шагах, потом на самого Гелена, и, похоже, решил, что спорить с заместителем главы студсовета себе дороже. Он кивнул и скрылся за дверью. Гелен, не взглянув больше на кузена, двинулся дальше по коридору, и чернильное пятно на его спине выглядело почти как герб.

— Он тебя ненавидит, — шепотом заключил Ники.

— Он ненавидит всех, — пробормотал Килиан. — Меня просто чаще.

Он не видел, как на лестничной площадке Гелен остановился, прислонился плечом к холодной стене и на несколько мгновений закрыл глаза. Чернила на мантии не были обычными. Они чуть заметно шевелились, вычерчивая на ткани тонкие завитки, будто корни, ищущие землю.

Гелен знал, что ни один ребенок под семью печатями не способен на такое. Он стянул мантию, свернул ее пятном внутрь и отнес в прачечную студсовета сам, хотя мог бы приказать любому первокурснику.

* * *

Аквамариновая ротонда стояла в самом начале Научной Тропы, и в утренние часы солнце пронизывало ее насквозь, отчего сидеть внутри было все равно что погрузиться в толщу прозрачной морской воды. Семеро учеников уже заняли скамьи, когда Килиан и Ники проскользнули на свои места.

Почти сразу перед ними появился профессор. Он преподавал в Академии триста лет и за это время приобрел привычку смотреть на каждого нового ученика так, словно заранее знал, какую ошибку тот совершит. Килиан втайне считал его догматиком, для которого написанное в книгах не подлежит сомнению, и профессор, вероятно, догадывался об этом.

— Церемония состоится через семь дней, — начал старый маг, — и я хочу убедиться, что за шесть лет теории вы усвоили хоть что-нибудь. Итак. Что именно снимут с вас Семеро?

— Печати, — вразнобой ответили ученики.

— Семь печатей, — поправил профессор. — По одной на каждую из энергий, которыми Семеро питают артерии земли. Пока они на вас, сила течет мимо, не задевая. Это защита, а не наказание. Ребенок, который в три года способен поджечь колыбель, обычно до четырех не доживает.

Килиан поднял руку прежде, чем успел себя остановить.

— А если ребенок все-таки колдует, хотя печати на месте? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. — Это вообще возможно?

Профессор посмотрел на него поверх очков, и в ротонде стало тихо, как бывает после того, как кто-то скажет глупость.

— Возможно в трех случаях, юный Майроз. Если в нем течет кровь фейри, если Магистр, который ставил печати, допустил ошибку, или если сила, которой он пользуется, не принадлежит ни одному из Семерых. — Он помолчал. — Первое редко, второе позорно, а третье заканчивается казнью. Есть еще вопросы?

Кто-то на задней скамье хихикнул, его поддержали, и через мгновение смеялась уже вся ротонда. Ники не смеялся. Он смотрел на друга на краю скамьи и видел, как у того побелели костяшки пальцев. Под столом, никому не показывая, Ники легонько толкнул его коленом, и Килиан, не поворачивая головы, толкнул его в ответ. Но этого хватило, чтобы он снова начал дышать.

Остаток урока прошел так, как проходили все уроки профессора. Каждый ученик по очереди рассказывал о своем будущем покровителе, и в голосах детей звучало то особенное волнение, с каким говорят о незнакомцах, которых вот-вот предстоит встретить.

Элла, дочь капитана стражи из королевства Облачного Покрова, тараторила о Ваюмне, духе благословляющих крыльев, и об «истинном зрении», которое он дарит оракулам. Хрупкий светловолосый Альт сказал о Валоре, владыке оживляющих вод, ровно одну фразу и замолчал, глядя в пустоту. Никто его не торопил, потому что все знали, что его родители погибли в битве с некромантом и что жрецы моря тогда не успели. Ники неожиданно для всех без запинки рассказал о Товуре и его Духовном Пламени, которое вдыхает жизнь в предметы, и профессор, вопреки обыкновению, даже не удивился.

Когда очередь дошла до Макса Нувориша, тот лениво откинулся на скамье и произнес, глядя куда-то поверх голов:

— Зеранд творит тела. Благодаря ему мы двигаемся.

Килиан не выдержал. Он заговорил прежде, чем его спросили, и говорил долго, громко и, как ему казалось, блестяще: о Зеранде и энергии Ка, которую нельзя получить, не отняв у другого живого существа, об Эстире, создательнице вечного сада, о Лилит, ваятельнице плоти, и о Грейсфилд, матери всех Владык, которая учит, что не бывает света без тьмы и жизни без смерти. Он рассказывал о том, что Семеро не стоят над миром, а пронизывают его, каждый в своем слое, как нити пронизывают ткань, и что где-то над всеми слоями, говорят мудрецы,

лежит светлая сакуала, куда возносятся души достойных. Он говорил так, будто сам там побывал.

Макс слушал, не перебивая, с тем непроницаемым выражением, которое Килиан ненавидел больше всего на свете, и только раз уголок его рта дрогнул, будто он вспомнил что-то, о чем давно запретил себе вспоминать. Когда-то, лет в шесть, они вдвоем лазили на эту самую ротонду смотреть на звезды, и Макс сорвался, а Килиан поймал его за рукав. С тех пор у Макса над локтем остался маленький белый шрам, а у Килиана — рубец на ладони. Об этом не знал никто, даже Ники.

Профессор слушал Килиана, опустив веки. За триста лет он видел многих одаренных детей, которые знали больше, чем могли вместить, и почти никого из них уже не было в живых. Об этом он не говорил ни ученикам, ни коллегам. Когда Килиан замолчал, старый маг сказал только:

— Знать имена еще не значит быть услышанным. Запомните это. А теперь ступайте, леди Анна не любит опозданий.

* * *

Леди Анна приезжала в Академию дважды в год, и в эти дни на Научной Тропе собирались ученики всех курсов, включая тех, кому монстрология была совершенно ни к чему. Говорили, что она объездила все Цивилизованные земли и половину нецивилизованных, что она убила последнюю ламию в королевстве Багровых Волн и что дворянское происхождение не мешает ей ругаться, как гномам-рудокопам. Последнее, впрочем, никто не проверял.

Сегодня она вошла в Изумрудную ротонду в дорожном плаще, с рыжими волосами, перехваченными алой лентой, и в сопровождении двух вещей, которые сразу приковали к себе все взгляды. Первой была прозрачная сфера размером с тыкву, которая плыла по воздуху у ее плеча. Внутри нее порхали крохотные создания с радужными крылышками, похожие на ожившие лепестки. Второй была железная клетка, накрытая черной тканью. Анна поставила ее на кафедру и ткань снимать не стала.

— Начнем с того, что почти все, что вы знаете о феях, неправда, — весело сказала она. — Феи рождены самой магией, а значит, способны пропускать через себя столько силы, сколько ни одному чародейскому роду не снилось. Высшие феи вообще не имеют крыльев и ростом не уступают людям. А вот эти прелестные создания, — она кивнула на сферу, — с точки зрения настоящих фей скорее насекомые, хотя я никому не рекомендую говорить это вслух.

Феечки внутри сферы возмущенно зажужжали, и Анна тут же поправилась:

— Я хотела сказать, это крошечные и совершенно восхитительные волшебницы. Простите, дамы.

Ученики засмеялись. Феечки, удовлетворенные комплиментом, принялись выписывать в воздухе фигуры, а одна, особенно тщеславная, прижалась к стеклу прямо напротив Ники и строила ему глазки, пока тот не покраснел до корней волос.

Дальше леди Анна говорила о тех, кого простые люди по невежеству зовут ведьмами и кто к ведьмам не имеет никакого отношения. Говорила она коротко и так, что после каждой фразы хотелось оглянуться. Мейги, рожденные от ведьмы и демона, живут по четыреста лет и заключают сделки ради удовольствия унижать того, кто к ним обратился. Ламии поют у ночных дорог так сладко, что путник сам идет к ним в объятия, а старые ламии умеют отращивать драконью пасть. Албасты, самки гигантов, варят похлебку из всего, что поймают, и до боли не выносят красного цвета, поэтому в горах кроют дома красной черепицей.

— А это, — сказала Анна, — я принесла вам показать, чтобы вы раз и навсегда запомнили, чего делать нельзя.

Она сдернула ткань с клетки. Внутри, приколотое к дощечке серебряной булавкой, лежало одно-единственное перо. Оно было длиной с локоть, сизое, с бронзовым отливом, и по его краю бегали крошечные голубые искры, будто перо до сих пор помнило грозу, в которой летало.

— Перо гарпии, — пояснила Анна. — Хозяйка этого пера мертва уже два года. Перо — нет. Гарпии разумны, жестоки и владеют магией бурь, и если вам когда-нибудь захочется сразиться с ними, вспомните вот что.

Один из старшекурсников, долговязый юноша с факультета Золотого Закона, все-таки не удержался и протянул к клетке палец. Раздался треск, запахло паленой шерстью, и юноша отлетел к колонне ротонды, а волосы у него встали дыбом и так и остались торчать, как у испуганного кота. В ротонде взорвался хохот. Анна спокойно накрыла клетку тканью.

— Вот именно это, — сказала она. — Гарпий следует избегать.

Килиан почти не смеялся. Он ждал, и, когда Анна заговорила о высших феях и о том, что от их союза с людьми рождаются дети, вскинул руку так резко, что Ники вздрогнул.

— Леди Анна, фейри ведь могут колдовать до Церемонии? Даже под печатями?

— Могут, — кивнула она. — Наследие фей печатями не удержишь. У фейри в миг сильных чар меняется облик: глаза наливаются жидким золотом, кожа светится. Но фейри в нашем мире единицы, и у известных мне детей не было. — Она чуть заметно улыбнулась. — Честно говоря, мне куда легче поверить, что Магистр где-то ошибся с печатями.

— А если это не фейри и не ошибка? — тихо спросил Килиан.

Вопрос был задан едва слышно, и большая часть ротонды его не уловила. Но Анна насторожилась. Она не ответила сразу, как отвечала на все остальные вопросы, и впервые за лекцию не нашлась с шуткой. Она смотрела на младшего Майроза долго и внимательно, тем особым взглядом, каким охотница смотрит на след, который оказался ей неизвестен.

— Тогда это темный дар, — сказала она наконец. — Но для этого в роду должны были быть демоны или очень могущественные служители тьмы. В вашем роду их нет, юный Майроз. Я бы знала.

Она улыбнулась ему, и улыбка вышла теплой. Но, повернувшись к доске, Анна на мгновение забыла, о чем собиралась говорить дальше, и Ники, который посмотрел на друга, понял, что дело плохо.

Когда лекция закончилась и толпа учеников хлынула к выходу, Анна задержалась у кафедры, собирая вещи. Сфера с феечками сонно покачивалась у ее плеча. В воротах Академии ее ждал мальчик лет четырнадцати в черной ливрее без герба, такой тихий и незаметный, что поток студентов обтекал его, как вода обтекает камень. Он поклонился, протянул ей запечатанное письмо и, не сказав ни слова, исчез в толпе раньше, чем она успела спросить, от кого оно.

Анна сломала печать. Внутри было всего две строки, и, прочитав их, она перестала улыбаться и долго смотрела в ту сторону, куда ушли Килиан и Ники.

* * *

Домой друзья возвращались уже под вечер, и впервые за много лет шли молча. Обычно Ники болтал за двоих, а Килиан делал вид, что не слушает, но сегодня рыжий мальчик шагал, сунув руки в карманы и поглядывая на друга с таким сосредоточенным выражением, будто решал в уме особенно трудную задачу. Наконец, у поворота на Цветочную аллею, он остановился и схватил Килиана за рукав.

— Учебники сегодня утром, — сказал он. — Они сами прыгнули к тебе в сумку. И не говори мне, что их зачаровал твой отец, он бы сделал это получше.

Килиан молчал, и в наступившей тишине повисла прохлада. Но Ники знал его слишком давно, чтобы забеспокоиться.

— Ты колдуешь, — тихо продолжил он. — Ты используешь магию и боишься, что это темный дар. Поэтому ты полгода не вылезаешь из библиотеки и задаешь учителям эти нелепые вопросы. — Он сглотнул. — Мне все равно, что это. Фейри, ошибка, хоть сам Безымянный Бог. Я тебя знаю всю жизнь, и в тебе нет ничего темного. Я на твоей стороне. Всегда.

Килиан долго смотрел на него. Потом что-то в его лице оттаяло, и он улыбнулся впервые за весь этот длинный день, неловко и по-настоящему. Так улыбаются, когда что-то тяжелое наконец можно поставить на землю.

— Ты дурак, Ники.

— Знаю, — довольно согласился тот.

Они не успели сделать и десяти шагов, как из тени старого каштана на дорогу вышел Макс. Он стоял, привалившись плечом к стволу, и его лицо в сумерках казалось совсем взрослым.

— Как трогательно, — сказал он. — Наследник благородного рода колдует за семью печатями. Не терпится посмотреть, что из этого выйдет на Церемонии.

— Ты что, шпионил за нами? — вспыхнул Ники и шагнул вперед. — Привык рыться по канавам, копатель могил?

Макс покраснел и сжал кулаки. Килиан положил руку на плечо Ники и посмотрел Максу прямо в глаза. На мгновение ему показалось, что тот хочет сказать что-то совсем другое, не злое, и не решается. Но в этот момент на аллею, звеня подковами, выехала изящная карета леди Анны. Она остановилась рядом с мальчиками, волшебница выглянула из окна.

— Юный Нувориш, вы ведь знаете короткую дорогу к Цветочной аллее? Будьте моим проводником, а то призрачный кучер заблудится.

Макс помедлил, бросил на Килиана последний взгляд и забрался на козлы рядом с призванным леди Анной призрачным кучером. Карета тронулась. Когда она поравнялась с Килианом, Анна чуть наклонилась к окну и посмотрела на него снова, тем же долгим, задумчивым взглядом, что и в ротонде. Затем шторка опустилась.

На козлах было холодно, и кучер, пожилой гном с трубкой, всю дорогу делал вид, что Макса не существует. Мальчик сидел, нахохлившись, и смотрел на крыши третьего кольца, по которым ползли длинные вечерние тени. Он знал короткую дорогу к Цветочной аллее, как знал все короткие дороги в городе: Нувориши веками учили сыновей находить пути туда, куда другие не ходят. Отец говорил, что это единственное, на что их род годится. Макс думал об этом каждый раз, когда видел герб Майрозов. Окошко за его спиной приоткрылось.

— Ты ведь не собирался драться, — сказала Анна. Это был не вопрос.

— Собирался, — буркнул Макс.

— Нет. Ты хотел его предупредить и не знал как. — Она помолчала. — О чем?

Макс долго не отвечал. Карета миновала мост, и внизу блеснула темная вода канала.

— Мой отец вчера продавал кому-то старые карты катакомб, — наконец сказал он, не оборачиваясь. — Нижних уровней, тех, что уходят под пятое кольцо. Покупатель спрашивал, в каком доме живет мальчик, который колдует до Церемонии. Отец сказал, что не знает. — Макс сглотнул. — Он врал. Он знает. Весь город скоро будет знать, если этот идиот не научится держать свои книги в сумке.

Окошко закрылось не сразу. Анна смотрела на затылок мальчика, на его упрямо выпрямленную спину, и думала о том, что дети этого города слишком рано учатся скрывать, кого они любят.

Ники проводил карету глазами и хмыкнул:

— Она точно что-то знает.

— Она знает все, — сказал Килиан. — Это ее работа.

Он и подумать не мог, что в кармане дорожного плаща Анны лежит письмо из двух строк. «Мальчик Майроз. Присмотрите за ним до Церемонии». Подписи не было, только оттиск печати: серебряный ключ, обвитый терновой ветвью.

* * *

Дома Килиан швырнул сумку у порога и захлопнул за собой дверь библиотеки так, что задребезжали витражи. Книги, вывалившиеся из сумки, сами собой поднялись и одна за другой поплыли на полки. Большой атлас магических существ мягко спланировал ему на колени и раскрылся на странице о гарпиях, а свечи на столе вспыхнули разом, хотя никто их не зажигал. Килиан посмотрел на них с тоской.

Магия больше не пряталась. Она вела себя в его присутствии как ласковое, бестолковое домашнее животное, которое не понимает, почему хозяин им недоволен. Он ушел спать рано, не дождавшись родителей, и уснул почти сразу.

Ближе к полуночи в оранжерею, по обыкновению ворча, зашел Фоукс. Садовник семьи Майроз ненавидел цветы, и Ольгерд утверждал, что именно поэтому лучшего садовника не

найти во всех Цивилизованных землях: он никогда не жалеет ветки при обрезке. Фоукс обходил оранжерею каждую ночь с фонарем, проверяя, не забрался ли кто под стекло, и в эту ночь, проходя мимо мандаринового дерева, вдруг остановился. Его левая рука, которую он никогда не показывал без черной перчатки, дернулась сама собой, как дергается собака на поводке, учуяв зверя. Фоукс перехватил собственное запястье правой рукой и медленно, очень медленно отодвинул кадку.

За ней стоял горшок с голубой розой. Цветок был свеж, как утренний бриз, и по краю каждого лепестка шла бархатная черная кайма. Садовник долго смотрел на розу, и в его усталых глазах промелькнуло что-то, чего в доме Майроз не видел никто: страх. Потом он вернул кадку на место, так, чтобы горшка не было видно, и вышел, не сказав ни слова. Рука под перчаткой еще долго не могла успокоиться.

Ему снилась черная вода. Она лежала где-то очень глубоко под городом, гладкая и неподвижная, как стекло, и над ней в темноте медленно раскачивалась веревка. Веревка была старая, разлохмаченная на конце и завязанная тем самым узлом, который мальчик однажды видел на гравюре в книге о казнях. Ветра не было. Веревка все равно качалась, мерно, как маятник, будто кто-то невидимый только что из нее высвободился. А из-под воды, из такой глубины, где не бывает ни звуков, ни света, поднялся голос, низкий, бархатный и неожиданно печальный.

«Скоро», — сказал он.

Килиан закричал во сне, но крика не услышал никто, кроме одного человека. Гелен как раз поднимался по лестнице, вернувшись с позднего приема, где весь вечер слушал, как магистры спорят о переносе Церемонии.

Он остановился у двери кузена и долго стоял, положив ладонь на дверную ручку и не решаясь ее повернуть. Из-за двери доносилось неровное дыхание. Наконец Гелен отпустил ручку, вынул из кармана мелок из Архива печатей и начертил на дверном косяке маленький знак, похожий на запертый замок. Знак вспыхнул голубым и погас. Дыхание за дверью стало ровным.

— Глупец, — едва слышно сказал Гелен, и в его голосе не было ни капли злости.

Он ушел к себе, а в галерее на втором этаже безымянный оруженосец на портрете еще долго смотрел на дверь Килиана, и голубая лента на его рукаве едва заметно колыхалась, хотя в доме не было ни одного открытого окна.

Глава 2. Шепот теней

Раз в году Фотлейн открывал ворота, и раз в году город, который считал себя тихим и ученым, на неделю превращался в ярмарку. Обычно в столицу магических искусств не пускали никого, кроме торговцев с подорожной грамотой и родственников учеников.

Но в дни перед Церемонией Становления сюда съезжались королевские послы, присматривающие будущих придворных чародеев, настоятели храмов в поисках жрецов и главы орденов, которым всегда не хватает талантливых новичков. Так было веками. В этом году, однако, гостей приехало столько, что трактирщики второго кольца сдавали уже не комнаты, а углы, и все равно не успевали.

На рассвете у внешних южных ворот спешилась свита кронпринца королевства Крови Дракона и двинулась по Гостевому тракту. Дагоны, наследники древних драконов, шли за его каретой пешком, и под их сапогами шипела роса, словно булыжник мостовой был им не по нраву. Стражник у ворот, проверяя грамоты, старался не смотреть им в глаза, в которых тлели вертикальные зрачки.

Немного позже по главной улице прошествовали белые паломники Храма Света с пением и колокольчиками, а ближе к полудню на площади Девяти приземлилась свита Короля фей, и цветы на всех клумбах вокруг разом повернули к ней головки, как придворные, заметившие государя. Даже старожилы, видевшие сотни Церемоний, не могли вспомнить, когда в последний раз в город одновременно приезжали морской народ, Архонты с ангельской кровью и охотники на чудовищ из двух кланов, которые обычно не выносят друг друга.

Город делился не на кварталы, а на девять колец, вложенных друг в друга, как годовые кольца дерева, и каждое было обнесено собственной стеной, причем ни одна ограда не походила на другую: одни сверкали камнем, другие звенели, третьи, если верить старожилам, по ночам тихо тикали, как часы.

В самом сердце стояла Академия, вокруг нее теснились мастерские и лавки второго кольца, третье принадлежало Храму и ритуальным площадкам, а четвертое занимали поместья старых родов. Пять внешних колец гости видели только мельком.

От городских ворот к четвертому кольцу их вел Гостевой тракт, прямой, как стрела, коридор между высокими стенами, и сворачивать с него не дозволялось никому. Над стенами тракта виднелись крыши, шпили и темные сады, но что происходит за ними, приезжим не рассказывали, и в путеводителях, которые бойко продавали у ворот, о пятом кольце и всех, что лежали дальше, писали одну строчку: «Закрыто к посещению по распоряжению Совета».

У каждого кольца, кроме того, была вторая, подземная половина, и о ней путеводители молчали вовсе. Живые спускались туда редко и неохотно. Внизу, под мостовыми и садами, жили те, кто не выносит солнца, и в Фотлейне, городе, где магов больше, чем булочников, таких набиралось немало.

Под вторым кольцом держали свои лавки вампиры-ростовщики, под третьим молились те, кому закрыт вход в Храм Света, а под четвертым, под поместьями старых родов, тянулись катакомбы, где лежали мертвые этих родов и где, по слухам, не все они лежали спокойно.

Весь город гудел от слухов. Говорили, что оракулы разных народов в одну и ту же ночь увидели один и тот же сон и что на этой Церемонии решится судьба мира.

* * *

— Оракулы ошибаются через раз, — сказал Ольгерд Майроз, отодвигая тарелку с таким видом, словно та распускала сплетни. — Истинных прорицателей за всю историю Риалока можно пересчитать по пальцам одной руки, и ни один из них не жил в этом столетии. Если все это нашествие из-за снов, гостей ждет большое разочарование.

— Сны видели не один и не два оракула, — спокойно возразила Юлианна, разливая чай. Фарфоровый чайник при этом держался в воздухе сам, но наклонялся только тогда, когда хозяйка едва заметно кивала. — Эльфы, морской народ, жрицы Храма. Они не сговариваются даже о погоде.

— Тем хуже. Значит, им что-то нужно от нас, и я хотел бы знать что. — Ольгерд посмотрел на сына, который сидел над остывшей кашей, почти не притронувшись к ней. — Лучше бы детям держаться подальше от всех этих послов.

— Твоя семья нажила состояние, продавая эликсиры этим самым послам, — заметила Юлианна, и в ее голосе мелькнула насмешка.

— Наши эликсиры спасают жизни, — возразил алхимик, слегка покраснев, и снова взялся за чашку.

Килиан слушал их вполуха. Ночью ему снились черная вода и веревка, но утром он проснулся неожиданно спокойным, словно кто-то ночью укрыл его вторым одеялом. Он не знал, что на косяке его двери до сих пор светится маленький голубой знак, похожий на запертый замок, и что тот, кто его начертил, сейчас входит в столовую, на ходу застегивая чистую мантию.

Гелен сел напротив кузена, налил себе чаю и посмотрел на него поверх чашки.

— Ты похож на утопленника, недоразумение. Тебе снились кошмары, или ты всю ночь сочинял, как бы опрокинуть на меня еще что-нибудь?

Килиан покраснел и уткнулся в кашу. Юлианна укоризненно взглянула на племянника, но тот уже повернулся к дяде.

— Отец тоже говорил, что оракулы ошибаются через раз, — небрежно сказал Гелен, намазывая хлеб маслом. — А потом в одну ночь они не ошиблись.

За столом стало тихо. Ольгерд поставил чашку на блюдце так осторожно, будто она могла взорваться, промокнул губы салфеткой и поднялся.

— У меня эксперимент в лаборатории, — сказал он ровным голосом и вышел, не взглянув на племянника.

Гелен проводил его взглядом и продолжил есть, но Килиан, который хорошо умел замечать то, что от него прятали, увидел, как у кузена дрогнула рука с ножом. Он знал, что отец Гелена погиб тринадцать лет назад, в тот самый год, когда родился сам Килиан.

Больше он ничего не знал. В доме Майроз об этом не говорили, и даже слуги, которые обожали сплетничать о соседях, становились немыми, стоило кому-нибудь упомянуть старшего, сводного брата Ольгерда.

Юлианна вздохнула и вынула из рукава конверт из плотной бумаги.

— Раз уж вы оба так прекрасно ладите, — сказала она, — у меня для вас поручение. На Церемонии каждая семья приносит в храм семена первоцвета Эстиры, и я всегда покупаю их у старого Бертрама на храмовом рынке. В этом году на ярмарке будет давка, так что пойдете вместе. Гелен, ты присмотришь за кузеном.

— Я? — Гелен поднял бровь. — Тетя, у меня обход в Архиве.

— Обход подождет, — мягко сказала Юлианна тем особым голосом, после которого в доме обычно больше не спорили.

* * *

До третьего кольца было полчаса пешком, и Гелен шел так быстро, что Килиан едва за ним поспевал. Город в этот день казался тесным и чужим. Над мостовой плыли запахи жареных каштанов и драконьего перца, у каждой лавки толпились гости, говорящие на десятке языков, и даже кристальные бабочки, которые обычно лениво дремали на клумбах, нервно кружились над головами прохожих, не находя себе места. Гелен прокладывал путь сквозь толпу и всю дорогу не умолкал.

— Не глазей на дагонов, они это ненавидят. Не трогай ничего на прилавках, тут половина товара проклята, а вторая половина фальшивая. И, во имя всех Семерых, не вздумай сделать что-нибудь своими руками, — он выразительно покосился на кузена. — В прошлый раз пострадала моя лучшая мантия.

— Это вышло случайно, — пробормотал Килиан.

— У тебя все выходит случайно. Это и удручает.

Килиан хотел огрызнуться, но заметил странную вещь. Гелен все время шел со стороны улицы, по которой катились телеги и гарцевали всадники, а Килиана держал у стены. Когда мимо проносилась особенно лихая карета, кузен, продолжая язвить, будто невзначай отодвигал его плечом подальше от колес. Килиан решил, что это случайность. В конце концов, у Гелена все выходило случайно.

На подходе к храмовому рынку толпа стала гуще, и у Килиана вдруг перехватило дыхание: кто-то крепко дернул его за пояс, где висел кошелек с маминым конвертом. Он обернулся и увидел мальчишку лет десяти, тощего, чумазого, в слишком большой куртке с чужого плеча. Мальчишка уже нырял в толпу, но не успел. Гелен поймал его за запястье, одним плавным движением, даже не повернув головы, будто ждал этого с самого начала.

— Второе кольцо? — холодно спросил он, разглядывая добычу.

Мальчишка зажмурился и кивнул. Он был так худ, что пальцы у него едва не просвечивали. Килиан ждал, что кузен позовет стражу: от такого правильного Гелена ничего другого ждать не приходилось. Но Гелен разжал пальцы мальчишки, забрал кошелек, а потом, к изумлению Килиана, вложил в грязную ладонь серебряную монету.

— На кухне храма сегодня раздают похлебку для гостей, — сказал он тихо. — Скажешь, что от Майрозов. И если я еще раз увижу тебя на этом рынке, Инквизиции понравится твое лицо. Иди.

Мальчишка исчез, будто его и не было. Гелен бросил кошелек кузену так, что тот едва его поймал.

— Держи крепче, недоразумение. Или привяжи к поясу морским узлом, раз уж мозгов не хватает.

Килиан смотрел на него во все глаза, но Гелен уже шел дальше, и лицо у него было такое же скучающее, как всегда.

Старый Бертрам торговал семенами на одном и том же месте у храмовой ограды последние шестьдесят лет. Он был так стар, что казался вырезанным из корня, и при виде Гелена расплылся в беззубой улыбке. Семена первоцвета Эстиры хранились у него в глиняных горшочках, запечатанных воском, и он отсчитывал их по одному, как монеты. Последнее зернышко, отдавая Килиану, старик вдруг задержал в его ладони и прищурился.

— Теплое, — удивленно сказал он. — Надо же. Майрозам всегда доставались лучшие, но чтобы семя грелось в руке… Такого я со времен вашего деда не припомню.

Гелен взял кузена за плечо и увел, прежде чем Бертрам успел сказать что-нибудь еще.

* * *

Обратно Гелен повел другой дорогой. Он сказал, что так короче, и Килиан не стал спорить, хотя прекрасно знал, что через Площадь Покаяния без нужды никто не ходит. Площадь лежала у нефритовой стены, которой четвертое кольцо отделялось от пятого. В стене были ворота, которых никто не помнил открытыми.

Здесь никогда не торговали и не играли дети. Посреди площади, на каменном помосте, стояла виселица. Ею не пользовались уже три года, и все же городской совет почему-то каждый год приказывал смолить ее столбы заново, отчего они блестели на солнце, будто после проливного дождя.

У подножия помоста лежал букет вереска. Не засохший, не прошлогодний, а свежий, перевязанный простой бечевкой, с капельками росы на лиловых цветках. Гелен на мгновение

замедлил шаг, совсем немного, так что любой другой ничего бы не заметил. Но Килиан заметил, потому что сам почему-то остановился как вкопанный и смотрел на вереск, не в силах отвести глаз.

— Кого здесь повесили? — спросил он.

— Того, кто сунулся куда не следует, — ответил Гелен, не оборачиваясь. — Не глазей.

Он никогда не смотрел наверх, туда, где на перекладине когда-то висела петля. Об этом не знал никто: ни тетя, ни дядя, ни тем более этот бестолковый мальчишка, который сейчас таращился на помост, будто увидел привидение. Каждую неделю, в один и тот же день, на рассвете, Гелен приносил сюда вереск, клал его у подножия помоста и уходил, не поднимая головы. Так продолжалось три года. Сегодня был не его день, и вереск принес не он. Гелен смотрел на чужой букет, и что-то холодное медленно поднималось у него от желудка к горлу.

— Гелен, — позвал кто-то от стены, и он обернулся с облегчением.

К ним шел стражник в синем плаще Совета, начальник караула у закрытых ворот. Гелен кивнул кузену на лестницу у стены, которая вела вниз, к заброшенному входу в катакомбы.

— Стой здесь и никуда не лезь, — сказал он. — Мне нужно перекинуться словом с капитаном. Пять минут. Если за пять минут ты умудришься что-нибудь сотворить, я лично сообщу об этом твоей матери.

* * *

Килиан не успел обидеться, потому что из темноты под лестницей бесшумно поднялся Орсон. Он вынырнул из подземного хода так, словно сам был частью катакомб, с маленьким масляным фонарем в руке и паутиной на плече, которую даже не потрудился стряхнуть. Бледный, с бесцветными волосами и черными глазами, которые казались еще больше в полутени, он остановился в двух шагах от друга и молча оглядел его с головы до ног. Килиан знал этот взгляд и заранее приготовился оправдываться.

— Ты рассказал Ники, — сказал Орсон.

— Он сам догадался. Я даже не кивнул.

— Но и не отрицал. — Орсон помолчал. — Килиан, если о тебе узнает кто-то, кроме нас троих, тебя не накажут. Тебя заберут.

— Ники никому не скажет.

— Ники — нет, — согласился Орсон и посмотрел в сторону стражника, с которым разговаривал Гелен. — Но Макс вчера слышал. И не только он.

Килиан хотел спросить, откуда Орсон это знает, ведь вчера его не было на Цветочной аллее, но друг уже понизил голос и подошел ближе, почти вплотную, как делал всегда, когда говорил о том, что слышал внизу. Он знал, что Килиан не любит, когда его касаются, и потому никогда не касался. Только становился рядом, плечом к плечу, так близко, что можно было чувствовать холод подземелья, который пропитал его куртку.

— Я спрашивал духов о тебе, — сказал Орсон. — Внизу, под нашим кольцом. Еще неделю назад. Дядя не знает, он бы запретил. Духи старых магов обычно болтливы, они жалуются на сырость и на потомков, которые забыли их имена. А теперь они перестали жаловаться. Они говорят только одно.

— Что?

— Мертвые внизу начали считать дни. — Орсон смотрел на него, не мигая. — Не годы, не столетия. Дни. Как будто чего-то ждут и знают, когда оно придет.

Под лестницей тянуло сыростью, и Килиан вдруг почувствовал, что ему холодно, хотя весеннее солнце над площадью впервые за эту весну грело по-настоящему.

— И еще, — добавил Орсон. — Позавчера на нижнем уровне, за решеткой, где катакомбы уходят под пятое кольцо и куда триста лет никто не ходил, я нашел следы сапог. Свежие. Человек шел уверенно, нигде не сворачивал и ни разу не заблудился. Как будто у него была карта.

Килиан думал о вереске, о закрытых воротах, о голосе из своего сна, сказавшем «Скоро», и мысли его кружились все быстрее, как те испуганные бабочки над рынком. В груди поднималось что-то горячее и тяжелое, и он не мог понять, что это: страх, обида на Орсона за упрек или на себя за то, что он такой, какой есть. На Площади Покаяния потемнело.

* * *

Туч не было. Еще минуту назад небо над Фотлейном было высоким и чистым, а теперь оно стремительно наливалось свинцом прямо над нефритовой стеной, будто кто-то пролил в небесную воду чернила.

Ветер ударил в лицо, сорвал с головы Орсона капюшон и швырнул на мостовую букет вереска, а через мгновение по камням застучали первые тяжелые капли. Стражник у ворот задрал голову, и даже отсюда было видно, как у него отвисла челюсть. Орсон посмотрел на друга и все понял.

— Килиан, — сказал он спокойно, как говорят с лошадью, которая вот-вот понесет. — Это ты. Остановись.

Килиан знал, что это он. Он чувствовал, как гроза тянет из него силу, как нитку из клубка, и чем сильнее он пытался ее удержать, тем быстрее разматывался клубок. Молния ударила в нефритовую стену в каких-нибудь тридцати шагах от них, и мир на мгновение стал белым.

В этой белизне, прежде чем зрение вернулось, Килиан увидел то, чего никто, кроме него, заметить не успел. Вдоль стены, от земли и до самого гребня, проступила тонкая светящаяся трещина, будто за нефритом горел огонь и наконец нашел щель. Она вспыхнула и погасла, а за ней, глубоко-глубоко, на самом пределе слуха, что-то тяжело вздохнуло.

А потом на него опустилась темнота. Теплая, пахнущая чернилами, воском и мокрой шерстью. Это был плащ. Гелен, который в мгновение ока оказался рядом, накрыл кузена с головой и прижал к себе, крепко, почти до боли, закрывая его от ветра, от дождя и, кажется, от всего города.

— Дыши, недоразумение, — сказал он ему прямо в макушку тихим, совершенно незнакомым голосом. — Медленно. Вдох. Еще один. Вот так. Я здесь. Ничего не случилось.

Килиан дышал. Сначала рвано, со всхлипами, потом ровнее. Сердце Гелена колотилось у него над ухом так быстро, что было удивительно, как кузен вообще может говорить спокойно. Гроза над площадью захлебнулась, ветер, словно устыдившись, улегся у стены, а последний раскат грома ушел куда-то вниз, в землю, и затих под ногами.

Когда Гелен откинул плащ, небо снова было чистым. Мостовая блестела от воды, капли падали с карнизов, и только черная полоса на нефритовой стене, там, куда ударила молния, дымилась, как погасшая свеча. Гелен уже стоял в двух шагах от кузена, отряхивая мантию, и выглядел как человек, которого бесконечно утомил весь этот день.

— Прекрасно, — сказал он своим обычным ледяным тоном. — Теперь у тебя мокрые семена, а у меня мокрый плащ. Пошли домой, пока ты не наколдовал нам наводнение.

Орсон, который все это время стоял рядом, не сказал ни слова. Он смотрел не на Килиана и не на дымящуюся стену. Он смотрел на Гелена. В тот короткий миг, когда Гелен откидывал плащ и думал, что никто на него не смотрит, Орсон успел разглядеть его лицо. Такого лица у Гелена он не видел никогда.

На краю площади, под навесом, стояли двое паломников Храма Света. Один из них медленно, не отрывая взгляда от младшего Майроза, начертил в воздухе знак, отгоняющий зло. Другой достал из рукава маленькую книжку в кожаном переплете и что-то в нее записал.

* * *

Домой они вернулись мокрыми и мрачными. Оскар встретил их в холле, бросил взгляд на промокший плащ молодого господина Гелена, на бледное лицо юного господина Килиана и, не задав ни единого вопроса, приказал подать в малую столовую горячий шоколад. Розалин принесла его сама.

Кувшин был такой большой, что доставал бы маленькой горничной почти до пояса, поэтому он плыл перед ней по воздуху и так старательно наклонялся к чашке Килиана, что налил ее до краев и еще добавил сверху горку взбитых сливок, хотя сливки никто не просил.

— Он за вас переживает, — смущенно объяснила девочка, кивнув на кувшин. — Мы все видели тучу над стеной. Из сада было видно.

— Это была обычная весенняя гроза, — сказал Гелен, прежде чем Килиан успел открыть рот. — Ничего не случилось.

Оскар, стоявший у буфета, чуть заметно наклонил голову, и в этом движении было столько вежливого недоверия, что Розалин уронила ложку. Гелен допил шоколад одним глотком, поднялся и уже в дверях, не оборачиваясь, бросил:

— Оскар, у юного господина мокрые ноги. Проследи, чтобы он не слег перед Церемонией. Не хватало еще, чтобы Майроза на ритуал несли на носилках.

Дворецкий проводил его взглядом и, когда дверь закрылась, произнес в пространство, ни к кому особенно не обращаясь:

— Молодой господин Гелен сегодня удивительно многословен.

Килиан не понял, что он имел в виду. Розалин спрятала улыбку в передник.

* * *

В это же время на другом конце четвертого кольца, в доме, который соседи называли не иначе как «лавкой старьевщика», Макс Нувориш стоял в дверях отцовского кабинета и смотрел, как Эрнест Нувориш пересчитывает золото. Монеты были новые, незнакомой чеканки, и отец складывал их в столбики с той нежностью, с какой другие люди гладят собак.

— Кто он? — спросил Макс.

— Покупатель, — не поднимая головы, ответил отец. — Честный покупатель, который платит вперед. Таких в этом городе мало, если ты не заметил.

— Он спрашивал про Майроза.

Эрнест наконец поднял глаза. Он был крупным, загорелым, с руками, покрытыми мелкими шрамами от ловушек в древних гробницах. В его взгляде не было злости, только бесконечная усталость человека, который всю жизнь доказывает, что он не хуже других, и всю жизнь проигрывает.

— Он спрашивал, где живет мальчик, — тихо сказал отец. — Я не ответил. Это все, что тебе нужно знать. А теперь послушай меня, Макс. Через неделю Церемония, и этот дом наконец перестанет быть посмешищем, если твой дар окажется таким, как я думаю. У нас долги. Майрозы могут позволить себе принципы. Мы — нет.

Макс ничего не ответил. Он ушел к себе, сел на подоконник и долго смотрел на старый белый шрам над локтем. Потом достал из ящика стола огрызок карандаша и на клочке бумаги, печатными буквами, чтобы никто не узнал почерк, вывел: «Кто-то ходит в нижних катакомбах. Не спускайся туда». Записку он так и не отправил. Утром она оказалась в печке, и Макс сам не помнил, когда успел ее туда бросить.

* * *

Вечером у ворот поместья Майроз остановилась карета. Она была черной и лакированной, запряженной парой вороных, таких неподвижных, что их можно было принять за статуи, а на дверце блестел серебряный ключ, обвитый терновой ветвью. Никто из дома не вышел ей навстречу, и никто из кареты не постучал в ворота. Она просто стояла в сумерках у кованой решетки, как будто кого-то ждала.

Леди Анна подошла пешком, со стороны Цветочной аллеи, кутаясь в дорожный плащ. Дверца открылась перед ней сама, и она, помедлив, забралась внутрь. В карете пахло сандалом и лекарствами. Граф Байрон Черный сидел на бархатных подушках, укрыв колени пледом, и выглядел гораздо старше своих сорока девяти лет.

Рядом с ним Анна казалась его дочерью, хотя всякий, кто знал их обоих, сказал бы, что на самом деле все обстоит ровно наоборот. Он был красив той суровой, изящной красотой, какая бывает у старых портретов, но под глазами у него залегли тени, и когда он улыбнулся гостье, улыбка вышла усталой.

— Анна. Вы все такая же рыжая. Я рад.

— Вы прислали мне записку, — сказала она, не здороваясь. — Через ребенка. Двенадцать лет вы ничего не просили, а теперь присылаете записку через ребенка.

— Я никогда ничего не просил, потому что мне ничего не было нужно. — Байрон закашлялся, прижав к губам платок с черной каймой, и Анна невольно наклонилась к нему, но тут же остановилась. — Теперь нужно. Присмотрите за мальчиком Майрозов до Церемонии. Это все.

— Зачем он вам?

Граф посмотрел на окна поместья, где в самой высокой башне флигеля горела одинокая свеча.

— Затем же, зачем когда-то были нужны вы, — тихо сказал он. — Чтобы он остался жив.

Анна долго молчала. Ее рука сама собой коснулась груди, там, где под плащом и под платьем ничего не было, но где ей всегда чудилась тяжесть чужого медальона.

Двенадцать лет назад, в руинах на краю Темных Земель, этот человек, тогда совсем еще молодой рядом с ней, держал ее голову на коленях и говорил то же самое. Она тогда поверила ему, и он не солгал. Она жила. Но ни на один день с тех пор не забывала, чем за это заплачено и кто остался лежать в тех руинах вместо нее.

— Я присмотрю, — сказала она наконец. — Не ради вас.

— Я знаю, — ответил Байрон. — Поэтому и прошу именно вас.

Она вышла, и дверца закрылась. На запятках кареты, все это время неподвижный, как вороные кони, стоял мальчик в черной ливрее без герба. Когда Анна прошла мимо, он не поднял на нее глаз. Байрон постучал в стенку, и карета тронулась, но, прежде чем она скрылась за поворотом, граф опустил окно и протянул наружу свой шерстяной шарф.

— Холодно, — коротко сказал он. — Надень.

Мальчик на запятках взял шарф и обмотал его вокруг шеи. Всю дорогу до поворота он не сводил взгляда с той единственной свечи в окне башни, и в его глазах не было ничего, кроме внимательного, терпеливого ожидания.

* * *

Килиан вернулся к себе поздно. У двери спальни он остановился, потому что на дверной ручке была завязана голубая шелковая лента. Узел был аккуратный, бантом, каким завязывают подарок. Килиан точно знал, что не повязывал его сам. Он развязал ленту, подержал ее в пальцах и, сам не зная почему, не выбросил, а сунул под подушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.